

До появления Двускелетных люди и эксмены жили на Земле в мире и гармонии.

Новейшая детская энциклопедия, 2226 г.

ПРОЛОГ

Вибрация корпуса стихла.

Широкофюзеляжный длиннокрылый самолет наконец втащил свое толстое туловище на нужную высоту, лег на курс, и пилотесса сейчас же сбросила тягу двигателей с маршевой до экономической. Привычка. Я усмехнулся про себя. Как бы ни спешили мои сопровождающие доставить меня на Филиппинский Морской Старт «Юдифь» и сдать с рук на руки, никто ради них не почешется. И уж подавно не станет зря жечь дефицитное горючее без специального приказа, заверенного десятком подписей высокопоставленных лиц. По собственной инициативе пилотесса никогда этого не сделает, разве что для спасения судна и пассажиров в случае какого-нибудь катаклизма. И поэтому мы будем лететь не десять часов, как могли бы, а все четырнадцать.

Положим, катаклизм уже обозначился. Но до него еще два с половиной года, как считалось сравнительно недавно, — и целых два года восемь месяцев и несколько недель, по уточненным данным.

Есть еще время. Нет причины разрушать привычный уклад. Так им кажется.

Нас редко возят воздушным транспортом. Куда дешевле и практичнее доставить партию рабочих по железной дороге или по воде. Почти единственное исключение: транспортные самолеты, вертолеты и дирижабли для экстренной переброски аварийно-спасательных бригад или, например, десантирования пожарных в горящую тайгу. Но чтобы везти одного-единственного эксмена, да еще пассажирским рейсом, да еще в битком набитом туристском классе...

Чего только не бывает.

Случайно или намеренно мы заняли место в хвосте салона. Наверное, намеренно. Эти места дольше других остаются непроданными. Мы подкатили к самолету перед самой уборкой трапа, так что нам пришлось пройти через весь салон в очень людном дефиле. Естественно, все взгляды были направлены на меня, и я уловил шепот одной девчушки: «Самец».

Она мне льстила. Как мне давным-давно объяснил один дед, самец, мужчина — это тот, кто непосредственно участвует в процессе размножения. Когда-то слово «самец» действительно было в ходу — пока правительство Конфедерации не предложило ввести терминологию в рамки реальности, заменив устаревшие ярлыки. Тот, кто участвует в воспроизводстве лишь через Банк семени, не имеет права называться ни мужчиной, ни самцом. Конечно, у него могут быть (и наверняка есть) дети, но сам он — эксмен.

Тоже, между прочим, неверный термин. Эксмен — бывший мужчина, а когда я им был?

Хорошо, что мы прибыли на борт за минуту до запуска двигателей, — у пассажиров просто не осталось времени на массовый протест. Правда, одна дамочка сразу завопила в голос, что ее-де не предупредили о том, что ей придется лететь в одном салоне с эксменом, иначе бы она доплатила за бизнес-класс, — но тут лайнер, вырулив на полосу, начал разбег, и она благополучно заткнулась.

Хотя оборачивалась на меня еще не раз. И она, и другие. Среди взглядов гневных и презрительных я заметил два-три любопытных. Как в зоопарке.

О-ран-гу-тан. Не будешь писать на пол?

Уговорили, не буду. В посещении туалета мои конвойные мне, конечно, не откажут, пусть это вам и не понравится. А смириться придется. И можете глазеть на меня сколько хотите. Так или иначе, меня доставят туда, куда надо. И об этом будет болеть чья угодно голова, только не моя. Я — груз. Который, однако, нельзя сдать в багажное отделение, вот ведь не-задача.

Мои конвоиры уступили мне место у иллюминатора, за что я был им благодарен. Я летел впервые. Меня заранее заставили проглотить таблетку от тошноты и объяснили, для чего служит специальный пакет. Но меня пока не тошнило. У меня вообще хороший вестибулярный аппарат.

Как назло, самолет очень скоро вспорол низкую облачность, а когда с натугой пробил ее, выяснилось, что разрывов в облаках нет и земли не видно. Но и подсвеченная солнцем облачная кипень оказалась впечатляющим зрелищем, если смотреть на нее сверху. Временами самолет проходил низко над вспененной верхушкой какого-нибудь особенно разросшегося вверх облака, и тогда по обильно механизированному крылу пробегали короткие судорожные волны — единственное свидетельство наличия воздушных ям.

Через час заходящее солнце опустилось в облака, а через два начали разносить еду, деликатно будя спящих. Молоденькая стюардесса вздрогнула, увидев меня, и едва не выронила поднос. На ее лице под механической улыбкой проступило сильнейшее смятение: обязана ли она обслуживать эксмена? Одна из моих спутниц небрежно кивнула, вследствие чего я получил порцию жареной утки с овощным гарниром и стакан гранатового сока в придачу. Сейчас же мне была выделена еще одна таблетка. Только она мне и напомнила, что как новичок я должен чувствовать в полете некоторый дискомфорт. Но ничего подобного я не чувствовал.

Обслужив моих спутниц, стюардесса удалилась на повышенных оборотах и не появлялась в хвосте салона вплоть до следующей кормежки.

Распогодилось только к утру. Мы шли уже над Памиром — а ведь впереди лежал еще Тибет! Я с восторгом смотрел на горы. Никогда раньше я не видел гор, иначе чем на картинках и в кино.

Мне говорили, что горы коварны. Но сверху я видел лишь мир и покой. Целые бездны покоя под сенью нестерпимо сверкающих ледников.

Лед я еще увижу — если, конечно, полет пройдет успешно. Но покоя у меня не будет, это точно. Возможны периоды безделья в напряженном ожидании — но ведь безделье еще не покой.

Потом я уснул. Чересчур много впечатлений за последние сутки. Мозг не выдерживает. А когда я проснулся, мы уже летели над территорией Восточно-Азиатской Федерации, как раз над четырьмя великими реками Азии, втиснувшимися гуртом в узкий горный коридор, прежде чем разбежаться в разные стороны: пока еще маловодной Иравади и могучими Са-

луином, Меконгом и Янцзы. Через час-два полета лайнер покинет воздушный коридор над Южно-Китайским морем, начнет снижение, и по крылу вновь начнут пробегать короткие судороги. Мне вдруг ужасно захотелось схулиганить.

Напоследок. Почему бы нет?

Конечно, конвойные не стали приковывать меня к креслу — зачем? Куда я могу сбежать, телепортировав с самолета? За борт? Нет, знаете ли, не хочется. Убить себя при необходимости можно гораздо проще. А главное, такой необходимости нет, особенно после того как мои условия были приняты. Первая моя победа, пусть и крохотная.

Отвернувшись к иллюминатору, я осторожно задышал чаще и глубже. Если мои спутницы заметят, как я вентилирую легкие, стальной браслет немедленно защелкнется на моем запястье. Пусть думают, будто я по-прежнему люблюсь китайскими ландшафтами, взирая на них с высоты десяти тысяч метров.

Легкое головокружение показало мне, что уже достаточно. Теперь я мог не дышать три с половиной минуты, оставаясь в кресле, или минуты полторы, продираясь сквозь лиловую мглу Вязкого мира. Обиднее всего, что телепортация мгновенна... почти мгновенна лишь для стороннего наблюдателя.

А вы думали, что телепортировать так же легко, как умозрительно перенестись на энную дистанцию, причем сколь угодно большую? Правда думали? Избавляйтесь от вредных заблуждений, мой вам совет.

Направление... расстояние...

НУ, ВПЕРЕД.

Странное это место — Вязкий мир. В нем время идет самым прихотливым образом — то в тысячи, то в триллионы раз быстрее, чем в реальном мире. В нем тьма имеет цвет. В нем можно идти в любом направлении, хоть прямо, хоть вверх, хоть вниз — в любом случае под ногами у тебя будет упруго пружинить какая-то поверхность, и именно там, где ты ожидаешь ее встретить, делая шаг. Поднял ступню или опустил ниже — поверхность окажется там, где ты захочешь ее ощутить. Это при том, что рассмотреть эту поверхность еще никому не удавалось. Вязкий мир раболепно угождает своим гостям — и равнодушно позволяет им пожинать плоды своих ошибок. Наиболее радикальные теории полагают Вязкий мир

не реально существующим местом, а субъективной субстанцией, виртуальным порождением человеческого подсознания.

Очень похоже на то. Убежден: если в создании этого лилового студня все-таки участвует мозг, то уж наверняка не разумом, а дремучими глубинными монстрами, анонимными авторами кошмарных снов.

Да, это сон с вечным сюжетом: хочешь бежать, лететь птицей, а вынужден с ужасающей медлительностью проталкивать себя сквозь вязкое желе... и ужас погони за спиной.

Похоже. Но в Вязком мире совсем иной ужас: потерять направление. Заблудиться. Оказаться там, откуда невозможно выйти. Или вынырнуть там, куда не стоит выныривать.

ПОРА? ПОРА.

Хлопок воздуха при выходе из телепортации всегда менее звучен, нежели при входе, однако вполне ощутим. Особенно в пилотской кабине, не отличающейся исполинскими размерами.

Конечно, самолет шел на автопилоте. Две женщины — командир корабля и вторая пилотесса — оживленно болтали, пересмеиваясь и попивая кофе из бумажных стаканчиков. Знакомый хлопок за спиной заставил обеих вздрогнуть и обернуться — скорее с удивлением, нежели с гневом или испугом. Существует прямой и категорический запрет на телепортацию в движущемся транспорте, будь то самолет или автобус, — но и без запрета кому придет в голову рисковать собственной жизнью?

Первой заметила меня вторая пилотесса. Я видел, как у нее округлились глаза и отвисла челюсть. Струйка дымящегося кофе полилась из стаканчика ей на колени.

Едва успев сделать глубокий вдох, я нырнул вновь. Даже не обернувшись. Теперь мне предстояло сделать это в Вязком мире.

И найти обратный путь.

Я продавливал себя сквозь густую лиловую мглу, ругаясь в душе по своему адресу на чем свет стоит. Вздумалось пошлать кретину! Поиграть захотелось! Нет, приятель, твоя настоящая игра не здесь и не сейчас...

Типичное мальчишество. Непростительное. Метров сорок обратного пути вслепую. Если я слегка ошибусь направлением, то запросто могу оказаться за бортом. Имея ту же ско-

рость, что и лайнер. Допустим, мне не разорвет легкие, — что я могу предпринять, чтобы не разбиться в брызги о Китай? Серию последовательных телепортаций вниз? На десять тысяч метров? С дыхательным аппаратом это в принципе возможно, хотя и мучительно. Но без аппарата... Беда в том, что всякой живой твари надо дышать, даже эксменам. Один-два глубоких вдоха перед каждым нырком в Вязкий мир — это минимум. А нырков штук двести... нет, заведомо меньше, учитывая набор скорости свободного падения в промежутках между нырками. Мне придется искать компромисс между необходимостью выныривать для вдоха и страхом набрать скорость, не оставляющую падающему никаких шансов, и все равно я проиграю. Допустим даже, что подо мною окажется глубокий водоем — не все ли равно, разбиться о воду при падении с десяти тысяч или с пятисот метров?

В Вязком мире нет скорости. Лиловый клейстер одинаково статично принимает всех. Иначе телепортирующие влетали бы в него со скоростью движения Земли в пространстве — ни откуда ведь не следует, что Вязкий мир привязан к планете, да еще к определенной ее точке. Вращение Земли тоже следует учитывать.

Все существующие теории, даже самые стройные, — лишь иллюзии понимания фундаментальной сущности Вязкого мира. Широко известны лишь его основные свойства, с которыми следует считаться, а для успешной телепортации большего не требуется. Самое главное: выныривая в нормальный мир, ты сохраняешь вектор скорости, который имел до нырка, только и всего.

ПОРА? ПОЖАЛУЙ.

Я попытался вынырнуть и подумал, что страшные истории о людях, навсегда оставшихся в Вязком мире, — вовсе не шутка.

Попробовал еще раз. И еще.

Задыхающаяся рыба, бьющаяся об лед...

Спокойно. Не паниковать. У меня очень хорошее чувство пространства и многие сотни тренировок. Я просто не мог сильно ошибиться, определяя направление и дальность обратного пути. На сорокаметровой дистанции телепортирования я ошибаюсь не более, чем на метр, — правда, в спокойных условиях...

Запомни главное и не суетись: если что-то мешает тебе вынырнуть — значит, ты еще в самолете.

Мысленно отметь свое положение в пространстве. Немного передвинься и попытай счастья еще раз. Сгруппируйся — так ты займешь меньше места. И перестань трястись, черт тебя побори! Хочется вдохнуть, да? Очень хочется? Потерпишь. Воздуха в твоих легких хватит еще на десяток попыток.

Ну и не трать его попусту.

Удачу принесла восьмая попытка — я взял влево-вверх и, вынырнув, свалился прямо в свое кресло. Задыхаясь. Все стало понятно: на обратном пути я сместился правее, инстинктивно стараюсь держаться как можно ближе к оси салона, а что ушел немного вниз — так это просто ошибка. Допустимая погрешность слепой навигации.

Наверное, многие повскакивали с мест, когда по ушам ударил сдвоенный хлопок, но я этого не видел. Я почти не чувствовал, как взбешенные конвойные пристегивают меня наручниками, и не интересовался, к чему пристегивают. Какая разница! Я снова был в реальном мире, взмокший и полузадохшийся, но живой, невредимый и готовый ко всему. А главное — крайне ценный.

Настолько, что меня даже не ударили. Хотя, на мой взгляд, следовало бы. Бесспорно, мои конвойные получили перед полетом строжайшие инструкции по обращению со мной, исходящие из того, что колотить спасателя — непростительная роскошь.

С точки зрения тонущего, конечно.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЭКС-ФЕКС-ПЕКС

ГЛАВА 1

Гладиатор

Какой смысл спешить, если тебя все время останавливают?

Спешащий эксмен, не одетый в специальную униформу посыльного, подозрителен уже сам по себе, ну а если он, высунув язык, мчится по тротуару не где-нибудь, а в кварталах, заповедных для праздных самцов, то подозрителен вдвойне. И патруль останавливал меня трижды — один раз возле бульвара Освобождения и дважды на площади Сандры Рамирес, сперва в начале ее, возле храма Первоматери, а потом в конце.

К счастью, мой пропуск не был ни просрочен, ни забыт дома впопыхах, так что мне удалось отделаться очень легко: подержали под стволами, выцедили несколько ехидных замечаний и отпустили. По весеннему теплу патрульные были настроены благодушно. Одна подножка не в счет: загремел как можно нелепее, принял жалкий вид, развлек патруль — свободен. Бежишь? Беги. Разумеется, пеняй на себя, если сослепу сшибешь какую-нибудь прохожую или испугаешь ребенка.

Будь они прокляты, эти пешеходные зоны! Пока доберешься...

Между прочим, Мама Клава зря не послала за мной мобиль с мигалкой. У охраны такой есть. Правда, двойной путь — в мужской спальный район и обратно... Но минут пять можно было выгадать, это точно.

Не сочла нужным. За Молотилкой, Диким Слоном, Самсоном или иным каким тяжеловесом небось послала бы лучшую самобеглую коляску, а ты — Молния, вот и соответствуй провишу. Одна нога здесь, другая там.

Бегу.

На фасаде комплекса знакомая афиша: сегодня, мол, и ежедневно аттракцион «Смертельная схватка», билеты продаются. Тут же состав сегодняшних участников: Динамит против Анаконды, Тамерлан против Саблезубого, Крокодил против Смертельного Удара, ну и так далее, а сбоку у букмекерской конторы светящееся табло со ставками. Мое имя уже фигурирует. У главного входа почти никого, зато изнутри — рев и гвалт амфитеатра. Отсюда слышно.

Служебный вход не заперт. Влетаю, и путь мне моментально преграждает охранница. Белобрысая, веснушчатая, с блеклым хвостом на затылке. Я ее не помню, наверно, новенькая. Едва успеваю затормозить в метре от нее и протянуть ей обе свои вырубалочки — пропуска в центральную городскую зону и в комплекс.

— Вот, госпожа.

У охранницы на конопатом лице недоверие. Очень большое недоверие. Она не привыкла к тому, чтобы эксмены врываются в комплекс, как к себе домой. Я ей не нравлюсь. Она с удовольствием поучила бы меня хорошим манерам, но начинает с того, что долго рассматривает пропуск и тщательно сверяет мое фото с оригиналом. Оригинал после бега выглядит неважно: тяжело дышит, красен, как обваренный, и для бойца с виду жидковат.

— Все в порядке, дорогая. Это свой.

Мама Клава. Вовремя.

Она толстая, с вечно потным мясистым лицом, кой-где покрытым нездоровыми лиловыми пятнами. У хозяйки аттракциона «Смертельная схватка» неизлечимая аллергия на запах мужского пота. Но дело свое она не продает, хотя любое появление в гимнастическом зале оканчивается для нее сущей пыткой. Подозреваю, что атавизмы тут ни при чем — просто она, как добропорядочная квочка, не мыслит своей жизни без патронажа над цыплятами-несмышленишами, шумными, бестолковыми и не всегда послушными. Можно добродушно покудахать, а можно хлопнуть крылом неслуха. Педагога из нее не получилось, вот она и пестует бойцов.

Эту аналогию я, естественно, держу при себе. Числиться у Мама Клавы цыпленком в выводке не так уж плохо. В случае чего она и прикроет тем же крылом — от всего, кроме противника на ринге. Тут уж как сложится судьба. Иные везунчики

ухитряются удержаться в аттракционе свыше десяти лет и выйти в отставку относительно целыми, еще пригодными для какой-нибудь простой и необременительной работы. Поломанные и плохо сросшиеся кости, травмированные внутренности, надорванные щеки и уши, разумеется, не в счет.

— В чем дело, Мама? Замена?

Охранница все слышит, каменеет веснушчатым лицом и заведомо готова прямо сейчас обеспечить мне один-два перелома в воспитательных целях. Но хозяйке обращение «Мама», давно и навеки сросшееся с именем, не кажется фамильярностью.

— Саблезубый споткнулся на лестнице, увезли с сотрясением мозга. — В голосе Мама Клавы искреннее сопереживание. — Ладно, об этом потом... Дуй в раздевалку, оттуда сразу на ринг. Выручи Маму, за ней не пропадет.

Стало быть, для массажа перед боем нет времени. Ладно, не впервой. Перетерпим.

— Я должен сделать Тамерлана? — интересуюсь.

— Умница, — восхищается она. — Успел посмотреть букмекерские ставки?

— Конечно, Мама.

Она треплет меня по щеке:

— Ну давай, ноги в руки. Тамерлан уже на ринге, публика волнуется.

Бегу, послав охраннице воздушный поцелуй. Та в тихой ярости. Еще секунда — и она исчезнет, чтобы тут же появиться передо мною, да так, чтобы я сам напоролся на электрошокер. Мама Клава, ухмыляясь, берет ее под руку и начинает обычную воркотню насчет специфических особенностей местного контингента. Слыхали, знаем. «Привыкайте, милочка, привыкайте. Не обращайте внимания на их выходки. Эти бойцы, конечно, с виду не сахар, но на самом деле они все хорошо выдрессированы, уж вы мне поверьте... Наказать?! Что вы, дорогая! Если бы я наказывала их за каждую глупую проделку, смотреть мое шоу было бы невозможно, это я вам говорю. Всякое живое существо должно иметь отдушину, иначе оно перестанет работать как следует. Кнут и пряник, а как иначе? Покажите им мельком хотя бы крошку от пряника, и можете быть спокойны, они вас не подведут...»

Эта воркотня, впрочем, еще не значит, что по окончании

боя мне не грозит чувствительный электрический удар или что-нибудь в этом роде, — у охранниц свои понятия. У нас тоже. Не знаю, кто из бойцов ввел в стародавние времена эту глупую традицию, но послать охраннице воздушный поцелуй — дело святое. Нас бьют и током, и просто по морде, а случается, и по гениталиям, но традиция живет.

Уж что-что, а выделяться на общем фоне мне не следует ни в коем случае. Я рядовой питомец Мамы Клавы, только и всего. Боец по кличке Молния. Гладиатор.

Добежать до раздевалки, запереть в шкафчик городскую униформу, натянуть трико, накинуть на плечи канареечно-желтый халат с ветвящейся молнией по спине — на все про все три минуты. Амфитеатр ревет, как вулкан, сейчас там начнется извержение. Пока что Тамерлан убажает публику картинной игрой мышц и демонстрацией того, что и как он сделает со своим противником, но публика и без того достаточно разогрета, чтобы начать крушить все подряд, если второй боец сию минуту не появится на ринге.

Охранницы возле канатов и в проходах напряжены. Они хорошо знают, как это бывает, и готовы мгновенно телепортировать на ринг. Три тысячи перевозбужденных зрительниц — это серьезно. Галерка еще так-сяк, а первых рядов надо бояться: там сплошь юницы с повышенной от рождения агрессивностью — за счет мозгов и прочих женских добродетелей. Угроза немедленного удаления с территории комплекса при первом нарушении запрета на телепортацию в его стенах (на персонал этот запрет не распространяется) плохо фиксируется в их головах.

Случалось, и не раз, что охранницы не успевали взять бойцов в живое кольцо, столь тесное, чтобы внутрь него нельзя было телепортировать. Бывало и так, что охрану просто сминали, несмотря на электрошокеры и слезоточивый газ. О судьбе иных гладиаторов напоминают лишь прожорабанные ими надписи на личных шкафчиках в раздевалке.

Иду.

Под объявление о замене участника иду танцующей походкой по специальному подиуму, вокруг меня гвалт и свист. Эй вы, смотрите на меня! Хорош? Хорош. Прожектора ловят меня и держат цепко, как бульдоги. Какая-то юная стерва, са-

мозабвенно визжа, пытается схватить меня за край халата и получает по рукам. Охрана пока на высоте.

Это радует.

А еще — то, что мною заткнули дыру во второй схватке, а не в пятой. Публика пока еще сохраняет толику рассудка. Она даже немного разочарована: ожидала боя Тамерлана с Саблезубым, а теперь вместо одного из ветеранов вынуждена довольствоваться недавним новичком, еще не сделавшим себе имя на ринге, вдобавок сушим цыпленком в сравнении с Тамерланом. Много ли стоят мои восемьдесят пять килограммов против его ста тридцати? Передо мной монстр, вулкан, торнадо — подвижная гора мышц без единой жиринки.

Тамерлан не дает мне поднырнуть под канаты — рычит и дергается под одобрителный вой публики, изображая, будто намерен прямо тут разорвать меня голыми руками и разбросать куски по амфитеатру. На то я и Молния, чтобы обмануть его ложным движением, извернуться, проскользнуть на ринг и, оказавшись за спиной своего противника, легонько похлопать его ладонью по бритой блестящей макушке. Для этого мне приходится подпрыгнуть.

Вой и смех. Аплодисменты.

Разумеется, Тамерлан ревет разъяренным быком, перекрывая шум амфитеатра, и кидается на меня. На нем виснут секунданты, он стряхивает их (один, к восторгу публики, улетает за канаты), но на ринг телепортируют сразу две охранницы, и рефери удается уговорить моего противника немного повременить с моим расчленением.

Привычная игра, с незначительными вариациями повторяющаяся в тысячный раз. Но публике не надоедает.

Халат долой — его подхватывает мой секундант.

— Мама велела протянуть до седьмого раунда, — шепчет он мне на ухо.

Киваю: понял.

— Интересно, Тамерлан об этом знает? — полушутя говорю я.

— Обижаеть...

Вскинув руки, приветствую публику. Рев, свист и жидкие хлопки. Охрана улетучивается с ринга. Эксмены — секунданты и рефери — подлезают под канаты. Бой без правил не бокс, судью на ринге могут и зашибить ненароком.

Тут же кто-то довольно метко запускает в рефери огрызком яблока. Точно в ухо. Публика рада.

Внимание, сосредоточиться... Вопли и визги болельщиц мне не подмога, не тот случай. Во время боя нельзя обращать внимание ни на что, кроме противника, и уж меньше всего на публику. Этот бой — не до смерти, это просто шоу, но и во время шоу случается всякое...

Нет амфитеатра. Трех тысяч зрительниц не существует. Охранницы — забытый мимолетный сон. Кроме меня, во всем мире нет ничего, за исключением огороженного канатами квадрата и моего противника.

Гонг.

Мы с Тамерланом «прощупываем» друг друга. Неважно, что мы уже не раз встречались на ринге, знаем сильные и слабые стороны друг друга, изучили увертки и отработали взаимодействие. Тут другое: определить, в какой форме твой противник и какой трюк можно себе позволить, а какой нет.

Кажется, Тамерлан сегодня не заторможен, да и я тоже, несмотря на безмассажие. Мама Клава будет довольна.

Первые удары, хваты, броски не достигают цели. Так надо. Затем я должен несколько раз подряд огорчить Тамерлана, что я и делаю, угодив ему ногой в живот, ребром ладони по шее и «вилкой» в глаза. Да еще роняю его на ринг красивым броском.

«Чем больше шкаф, тем громче падает» — про него сказано. Тамерлан рушится, как горный обвал, а я хожу кругами, вскинув руки, и впитываю скромную овацию. Это только начало.

Нормальный человек после такого воздействия, разумеется, встал бы не сразу, но Тамерлан встает. Он не держится за живот, не кривит шею, и с глазами у него все в порядке. Зато он выглядит по-настоящему разъяренным, что и требуется. Взбесившаяся стихия в облике эксмена. Это зрелище, на него стоит сходить посмотреть, чтобы на час-другой проникнуться иллюзией опасности, якобы обитающей в нашем спокойном зарегулированном мире.

Следующую минуту я летаю по рингу, как бадминтонный воланчик, и испытываю канаты на прочность. Зал ревет. Тамерлан напоминает могучую катапульту, а я — ее снаряд. Но на последней минуте раунда мне удается, оттолкнувшись от

канатов, взлететь птицей и в изящном пируэте угостить моего противника ногой в лицо. Красивое падение обоих, но я на ногах чуть раньше и пляшу на моем противнике, как на батуте. Гонг. Как водится, первый раунд не выявил явного преимущества одной из сторон.

Короткий отдых — и второй раунд. Этот оканчивается в пользу Тамерлана.

Третий...

Четвертый...

Пятый раунд — мой. Так надо.

Я прекрасно знаю, что «в реальности» Руслан Хабибуллин, иначе Тамерлан, уделал бы меня насмерть в три секунды. Конечно, если бы сумел догнать.

Публика этого не знает. Ей кажется, что я крепкий орешек и уступаю своему противнику совсем, ну совсем немножко. Вот столечко.

Ровно столько, чтобы оставаться живым на ринге вот уже шестой раунд.

Под рев публики я вылетаю за канаты, сшибаю секунданта и лишь немного не достигаю первого ряда трибуны, в то время как секундант — достигает. Он рискует вместо меня, а я одним прыжком взлетаю на помост и, сделав сальто над канатами, приземляюсь уже на ринге. Аплодисменты.

Тамерлан начеку. Громадной ручищей он ловит меня, как муху, и со свирепым рычанием несколько раз бьет головой в лицо. Вслед за тем я опять куда-то лечу и обнаруживаю себя распростертым на ринге. Надо мной парит в воздухе Тамерлан — сейчас он обрушится на меня всей тушей и превратит в мокрое месиво. Мой позвоночник треснет, ребра рассыплются, черепные кости отскочат друг от друга, как однополярно заряженные, и мозги ударят в потолок... Этого-то и ждет с нетерпением социально нестабильная молодежь с первых рядов, забыв о том, что ни одна из сегодняшних схваток не должна окончиться смертью.

Но ничего подобного не произойдет: мой противник попрыгает на мне, а когда ему надоест, начнет швырять меня, молотить по болевым точкам, отрывать мне уши или откручивать конечности — выбор за ним. По окончании экзекуции секунданты отнесут в угол то, что от меня останется, и приведут в кондицию к началу решающего раунда.

Мне скучно. Господи, почему не скучно ИМ?! Нет, не понимаю...

На седьмом раунде я показываю всем, что все-таки я — Молния. Кручусь, верчусь, вьюсь ужом, не даю к себе прикоснуться, зато сам не упускаю случая достать не столь поворотливого Тамерлана. Он обескуражен, а я с канатов неожиданно делаю сальто через его голову и сразу же заднее сальто с захватом коленями головы противника. Это мой коронный номер. Движение бедер — и голова Тамерлана с внятным хрустом поворачивается на недозволенный угол. У мертвеца подгибаются ноги, он валится мешком. Зрители режут от восторга, а я с ожесточением пляшу на трупе, пока меня не оттаскивают. Готово: чистая победа.

Иных, кстати, у нас не бывает.

Чтобы унести Тамерлана с ринга, требуются усилия четверых крепких служителей. Я ухожу последним, приплясывая и приветствуя зал поднятыми руками. Конечно, теперь уж никаких воздушных поцелуев! Публика — это святое. Гойко Молотилка однажды забылся и получил от охранницы такой разряд, что потом недели три дергался и заикался.

В меня летит всякая всячина: обертки, огрызки, банановая кожа, пустые банки из-под напитков и ничего опасного для жизни. Публике понравилось, проигравшие простили мне потерю ставок. Если так пойдет дальше, через несколько месяцев я стану одним из фаворитов в шоу Мама Клавы и начну проигрывать бой за боем, пока ставки на меня не упадут. А тогда...

Неужели публика не понимает этой простейшей механики? Или мы так смачно убиваем друг друга, что деньгами пустоголовых юниц распоряжаются голые инстинкты?

Очень может быть. Социально нестабильная молодежь глупа — иначе не была бы социально нестабильной в нашем ухоженном мире. Кто поумнее, того на «Смертельную схватку» не заманишь. А толпа — и вовсе организм особенный, мозг у нее один на всех, и тот спинной.

— Как это выглядело со стороны, Мама?

Красная, распаренная, словно сама только что сошла с ринга, где ей не очень повезло, она тем не менее находит для меня улыбку:

— Замечательно, Тим. Я очень довольна тобой, мой мальчик...

Отчего-то она вздыхает совсем не радостно.

Это настораживает.

В раздевалке крепкий запах пота. Намусорено. Как обычно, Тамерлан, огромный, голый и волосатый, обтирает себя бумажными полотенцами и швыряет их на пол, вместо того чтобы сразу пройти в душ. При виде меня он иронически подмигивает левым глазом — правый заплыл.

— Нормально?

— Угу, — отвечаю я, осторожно щупая нос и подбитую бровь. Переносица вроде цела, но нос уже опухает и спустя час-другой дойдет до кондиции спелой сливы. Ребра побаливают, но умеренно. Дышать нетрудно, значит, переломов нет. — А ты?

— Что мне сделается...

— Покажи хоть раз, как ты это вытворяешь, — прошу я.

— Что «это»?

— Хруст позвонков. Только не говори мне, что ты ими и хрустел.

— Нет, конечно, — улыбается Тамерлан и производит горлом короткий смачный треск. — Вот так примерно.

Я пытаюсь повторить — с более чем скромным успехом.

— Так лягухи в болоте квакают, — не без удовольствия замечает Тамерлан. — Потренируйся без меня денек-другой, а если ничего не выйдет, брось. Не каждому это дано. Жак Ягуар был классный боец, а тоже не умел.

Самомнение у Тамерлана отменное: все-то он умеет лучше других... Я решаю сменить тему:

— Что это Мама вроде не в себе?

— Привет! — Тамерлан делает вид, что поражен моей неосведомленностью. — Ты ничего не знаешь, что ли?

Я неопределенно пожимаю плечами. Что это я, интересно, обязан знать?

— Откуда? Вчера меня тут не было, да и позавчера тоже...

— Так это не позавчера началось. Контору-то нашу прикрыть решили, вот так вот.

— Удивил! Ее уже год прикрыть пытаются...

— Теперь точно, — безапелляционно говорит Тамерлан. — Совет Цензоров разразился постановлением: запретить все

зрелища, культивирующие грубую силу и жестокость, как растевающие молодежь, дискредитирующие женское начало и не ведущие к социальной гармонии. С нас и начали.

— Муниципальный совет? — интересуюсь я.

— Если бы. Федеральный. Так что неделю-другую Мама Клава еще побарахтается, сунется туда-сюда с протестами и подмазкой, а потом — все. Можешь искать себе новую работу.

— Не проблема.

— Тебе — да, ты техник, — невесело ухмыляется Тамерлан. — А мы училищ не кончали...

Судя по вою амфитеатра, сильно приглушенному на пути по коридорам к раздевалке, на ринге следующая пара. Зрители не жалеют голосовых связок.

— Интересно, где теперь эти сопливки будут отводить пар в свисток? — риторически спрашиваю я.

— А ты не знаешь?

К сожалению, я очень хорошо это знаю.

— Неделю-другую, говоришь?

— Если не меньше.

— У Мама Клавы хорошие связи...

Тамерлан качает головой.

— Не поможет. Если уж с самых верхов пошло, дело труба. На месте Мама я бы вообще не дергался.

— Тебе трудно оказаться на ее месте... Кстати, не знаешь, почему Мама вызвала именно меня?

Он пожимает плечами:

— Полагаю, не случайно. После Саблезубого у меня наилучший контакт с Ураганом, потом с тобой. А Ураган сегодня занят в другой паре.

— Как это Саблезубого угораздило?..

— У него не просто тяжелое сотрясение, у него еще перелом свода черепа, — сообщает Тамерлан и вдруг ухмыляется: — Это я ему устроил.

— Зачем?

— Много знал. О тебе.

— Откуда?

— А я знаю? Проворонили мы где-то. Он, дурак, не сообразил, что с такой информацией ему самому крышка. А так хоть жив останется... может быть. Но не заговорит еще долго, это точно.

Под тугими горячими струями не очень-то поговоришь — приходится кричать. Лучше уж вовсе не раскрывать рта. Для говорильни лучше подходит не душ, а раздевалка, когда в ней не толкнутся посторонние. Там всего один замаскированный микрофон в вентиляционной отдушине, да и то мы давно замкнули провода. Никто и не хватился.

Пока мы смываем пот и молчим, если только фырканье считать молчанием, я лихорадочно соображаю: откуда Саблезубому стало известно обо мне то, чего ему знать совсем не следовало? Видеть мою тайную способность в действии он ну никак не мог. Стало быть, кто-то сболтнул — но кто из пятерых, включая сюда Тамерлана, мог это сделать? А главное, насколько широко пошла утечка?

Говорили же мне: мало-мальски надежная конспиративная ячейка должна состоять максимум из четырех человек, считая и руководителя, а никак не из шестерых! Тут даже не обязателен провокатор: бойцы из шоу Мамаы Клавы — люди в большинстве простодушные, кто-то мог случайно проболтаться дружкам за кружкой пива...

Оказывается, холодный озноб с мурашками под горячим душем — это вполне возможно.

Раздевалка уже не пуста: в ней сидят Ваня Динамит, чей бой уже закончился, и Гойко Молотилка, вообще не задействованный в сегодняшней программе. Оба наши. Один застегивает пуговицы, другой одет и переодеваться в трико явно не собирается.

— Ты-то чего сюда заявился?

— Тебя, дурака, повидать, — усмешливо отвечает Гойко, а за усмешкой — я вижу — припасена порция яда. Сейчас Молотилка попытается испортить мне настроение.

— Ну и как я тебе — нравлюсь?

— Насчет Саблезубого уже знаешь?

— Угу.

— И гадаешь, от кого из нас пошла утечка, так?

Медленно качаю головой:

— Я в предатели никого не записываю...

— А в болтуны? — прищуривается Гойко.

— Не знаю... Да что ты на меня так смотришь? Честное слово: не знаю.

— Он не знает, — сообщает Гойко Ване Динамиту, будто тот от рождения туг на ухо.

Ваня молча кивает. Молчит и Тамерлан, хотя ему еще неизвестно то, что, кажется, знают Динамит и Молотилка.

Я свирепею, но не показываю виду. Это трудно.

— Знаешь, так говори. Кто из нас?

— Ты.

Обвинение столь дико, что из меня выскакивает нервный смешок.

— У тебя с головой все в порядке?

— У меня-то да, а вот насчет тебя не уверен.

Это уже по-настоящему смешно. Гойко хочет еще что-то сказать, но я вклиниваюсь в паузу:

— погоди, давай разберемся. Ты хочешь сказать, что я сам — сам! — разболтал кому-то о своем... о своей аномальности? Так? Я правильно понял?

— Ты не разболтал, ты сделал хуже — показал. Три дня назад в бою с Саблезубым. — Гойко каменеет лицом и вбивает в меня слова, словно гвозди. — Вспомнил? Конспиратор! Ты показал это Саблезубому и вместе с ним трем тысячам баб! Трем тысячам!

Пытаюсь возразить — и не могу. Так и стою с раскрытым ртом, а Молотилка молотит дальше:

— Тебе на себя плевать — это только твои проблемы. Тебе плевать на нас — хрен с тобой, ради дела мы много чего перетерпим! Но тебе, оказывается, плевать на наше дело — вот тут мы будем возражать, имей в виду...

— Может, объяснишь? — недовольно басит Тамерлан. — Я ничего не понимаю.

— Чего тут не понять! — рявкает Гойко. — Этот придурок телепортировал!

— Вы бы все-таки потише, — замечает Ваня Динамит.

— На ринге телепортировал? — Тамерлан не верит ушам.

— А то где же!

— Сбавь, говорю, — рычит Ваня.

Тамерлан всей глыбой поворачивается ко мне, вид у него ошарашенный. Но ничего забавного в ошарашенной глыбе я сейчас не наблюдаю.

— Что скажешь?

— Какая там телепортация — так, пустяки, — морщусь я,

кривя губы. — Какие-то сантиметры, никто ничего и не заметил... — И вдруг взрываюсь: — Ну не мог я иначе уйти от захвата, никак не мог! Не успевал! Этот отморозок из моих ребер рагу бы сделал! Вы что, Саблезубого не знаете? Да и не сознательно у меня это получилось, а как-то так, само собой... Инстинктивно. Притом ведь не заметил же никто, разве нет?

— Кроме Саблезубого, — догадывается Тамерлан. — Так вот откуда он...

— Не только он, но и я, — мрачно сообщает Гойко. — А может, и еще кто-то.

— Ты что, тот бой видел?

— В записи. Мама Клава припрягла поработать в фильмотеке — ну знаешь, все эти эффектные вырезки для обучения новичков... Раз просмотрел — вижу, что-то не то. Два просмотрел — точно, так не бывает. Просмотрел по кадрам — вот она, телепортация, сомнений нет. — Гойко указывает на меня. — На одном кадре этот кретин аж полупрозрачный...

— Ну и ты что? — Это Тамерлан.

— Затер тот кусок, конечно. А ты что думал? Стало похоже на технический сбой. Но вот один ли был фильм и одна ли копия — это вопрос.

Лихорадочно соображаю. Телетрансляции того боя, разумеется, не было по той самой причине, по какой уже пятый месяц не проводятся схватки до смертельного исхода, — запрет Совета Цензоров. С этого они начали свои действия против шоу Мамы Клавы и иных развлекательных мероприятий, не отвечающих целям воспитания масс в конструктивном духе, и скоро нас закроют. Трансляции не было, но в зале не одна стационарная камера, и мы не знаем, сколько их было задействовано. Кроме того, кто-то из зрительниц вполне мог снимать бой ручной камерой. Теоретически копии фильма могут находиться где угодно, Гойко ликвидировал лишь самую явную опасность.

Ой-ой, скверно-то как...

— Положим, чтобы догадаться, что в том фрагменте не все чисто, надо быть специалистом и смотреть внимательно, — рассудительно говорю я. — В конце концов, ты же сам понял, что к чему, лишь при покадровом просмотре...

— Нет, вы видели? — изумляется Гойко Молотилка. — Он адвокатствует! Он нас успокаивает! Ребра свои пожалел! На

нас ему плевать, а ребер жалко! Ну, Тимоша, ну, надежда всех мужчин Земли и окрестностей! Ну, светлая голова! Никто, кроме него, ничего не поймет, и точка!..

— Да виноват я, виноват! — ору я и под взглядом Вани сбавляю тон. — Сам, что ли, не вижу? Непроизвольно получилось, но все равно — моя вина! Доволен теперь?

— Не с чего тут быть довольным, — бурчит Ваня.

Гойко молчит, думает и в конце концов машет рукой:

— Ладно... Была не была. Будем надеяться, что дальше нас утечка не пойдет. А тебе урок на будущее.

Таких уроков в моей жизни до случая с Саблезубым было уже три, но о них Молотилка не знает. Тем лучше. Возродившийся с некоторых пор миф об эксмене, способном телепортировать, — иное дело. Собственно, этот миф существовал всегда, и всегда над ним смеялись. Кроме того, последнее место, где будут искать такого уникама, — аттракцион «Смертельная схватка».

А не слишком ли я становлюсь самонадеянным?

Вполне возможно, и для этого есть причины. Мне двадцать семь лет, четырнадцать из них я знаю о своем уникальном качестве, более того, с некоторых пор о нем осведомлены еще несколько человек, а я все еще жив и на свободе — единственный телепортирующий эксмен в мире.

Угроза для одних. Надежда для других.

Мы молчим. Наконец Молотилка ухмыляется и производит:

— Ты бы хоть рассказал, как оно ТАМ...

— Где?

— Ну в этом твоём Густом мире.

— В Вязком мире, — поправляю я машинально. — И он не мой. Как тебе сказать... Как в киселе. Причем темно, как в... как в большом чане с крышкой, а внутри чана — кисель.

— Трудно двигаться?

— Не то слово.

Гойко вздыхает.

— Слушай, а почему бы тебе не попробовать взять туда кого-нибудь из нас?

— Неужели непонятно? — пожимаю плечами. — Я же тебе принесил школьный учебник по телепортации.

— Ну.

— Что «ну»? Ты читал или нет?

— Читал, но...

Мне становится стыдно. По насупленному виду Гойко сразу можно сказать: он не читал. И не мог прочесть. Он, оказывается, неграмотен, а я его мучаю. Половине эксменов грамотность ни к чему. Максимум — прочесть вывеску или предупреждающую надпись «Только для людей». Черт меня побери с моим высокомерием технаря, с моей бестолковостью и поганым языком!

— Читал, но не все понял, — моментально прихожу я ему на выручку. — Ладно, попытаюсь объяснить на пальцах. Скажем, ты везешь тяжело нагруженную тележку. Пока ты катишь ее по ровному полу, проблем нет. Но вот тебе надо вкатить ее в дверной проем с порогом. Легкую тележку ты перекатил бы через порог без труда, тяжелую уже с натугой, а со слишком тяжелой лучше вообще не мучиться — ничего не выйдет. Понятно? Так и с телепортацией. Это называется сопутствующей пороговой массой, у каждого индивида она своя. Чуть-чуть увеличивается тренингом... многолетним и довольно изнурительным. Рекордсменки могут проносить в Вязкий мир килограммов до тридцати, а кому-то и одежда на теле кажется неподъемной ношей. Той же Маме Клаве. Ты хоть раз видел, чтобы она телепортировала? А ты заметил, какое оружие и снаряжение у охранниц, патрульных и спецназовок? Легкое! Так что извини, с тобой на закорках у меня просто ничего не получится, мой личный рекорд — двенадцать килограммов сопутствующей массы...

— Похудеть, что ли, — натянуто улыбается Гойко. — Нет, не буду, пожалуй. Лучше ты тренируйся, только не здесь...

Он замолкает вовремя — слышны шаги в коридоре. Двое служителей помогают добраться до раздевалки Витусу Смертельному Удару, отделанному на ринге Даней Крокодиллом. Витус постанывает и вяло перебирает ногами. Судя по многочисленным пластырям, прилепленным там и сям к бритой голове и громоздкому туловищу, он уже побывал у фельдшера, а судя по тому, что его ведут, а не везут на каталке, повреждения можно считать незначительными, оклемается сам. Трещины в ребрах или легкое сотрясение мозга — ерунда. Любому из нас случилось покидать ринг в худшем состоянии.

Вся тройка едва не промахивается мимо двери раздевал-

ки — у Витуса солидная инерция. Пыхтя, его влекут к банкетке у стены, он рушится мешком, и банкетка крикает.

Служители переводят дух, но не уходят. Похоже, им велено отмыть, одеть и доставить домой пострадавшего, где ему предстоит провести несколько дней в своем жилом блоке, меняя на себе припарки и пластыри и скрипя зубами всякий раз, как захочется поесть или попить, потому что рот у него надорван и на щеку наложено два шва. Сейчас-то ему вкололи немного обезболивающего, и он не в состоянии оценить всю гамму ощущений.

— Не повезло?

В ответ Витус рычит и изрыгает. Если выполоть из его тирады брань и междометия и тем самым сократить ее на порядок, претензии Смертельного Удара сводятся к следующему: вокруг него сплошное махровое паскудство, а с Даниилом Брудастым по прозвищу Крокодил он еще побеседует, он ему еще припомнит! Скотина же: велено выиграть — ну так и выигрывай, никаких возражений, а зачем всерьез-то увечить? Классный боец выбыл из кондиции на неделю, но что до этого Маме Клаве? Да ей, парни, все равно! Она вон Тима Молнию на ринг выпустит или какого иного сопляка — мало ли их ногами сучит, в аттракцион просится... Ей на нас — тьфу!..

— Брось, — басит Тамерлан, — расслабься. У Мамы Клавы жить можно. Не то беда, что Крокодил перестарался, а то беда, что в последний раз, наверное...

Витус, оказывается, не в курсе предстоящих перемен. Ему объясняют, он хлопает глазами и растерянно матерится. Что бы этот бугай ни говорил о тяжелой своей доле, даже он понимает, где кнут, а где пряник. Точнее, где кнут не так часто гуляет по спинам, а пряник иногда виден хотя бы издали. Образования у него нет, как и у большинства бойцов. Карьера чернорабочего его не привлекает, а иной перспективы не предвидится. Ясно, что районная комиссия по рабочей силе распорядится по-хозяйски, то есть упечет его туда, где физические стати в цене, например на строительство Байкало-Камчатской железной дороги. С таким плечевым поясом хорошо ворочать шпалы.

Пока я одеваюсь возле своего шкафчика, Тамерлан просвещает Витуса, как ранее просвещал меня: так-то и так-то, мол, против федерального Совета Цензоров Мама Клава бес-

сильна, шоу доживает последние дни, поскольку растение молодежи и социальная гармония. Что-то с чем-то, видите ли, несовместимо.

— Совсем не из-за этого, — возникает вдруг один из служителей со своим мнением.

Молчал бы лучше. Но у болтунов язык живет сам по себе и ничем не управляется, так они устроены.

— Ну? — спрашивает Гойко Молотилка в наступившей тишине.

Над служителем нависают грозовые тучи, а ему и невдомек. Прежде чем начать говорить, он облизывается и вообще страшно доволен, что может поучить уму-разуму больших мускулистых дядей. Он недавно здесь работает и еще не уяснил себе, что большие дяди могут его самого поучить за невежливость. На первый случай, конечно, легонько, по самому безобидному варианту. Например, задвинут шкафом в угол — кукуй там, пока кто-нибудь не выручит, и соображай, стоит ли впредь так бесцеремонно лезть в чужой разговор.

— Ну?

— Мне брат рассказывал... — начинает служитель с воодушевлением, но не тут-то было.

— Откуда у тебя брат? — презрительно перебивает Гойко.

— Близнец. Мы потом уже встретились, случайно... воспитывались-то, знамо дело, в разных интернатах, а год назад просто-напросто столкнулись на улице нос к носу. Совпадение, в общем. Даже мимо прошли, а потом оглянулись одновременно. Гляжу и не верю: второй я...

— Ну и что?

— Он в мэрии работает, уборщиком. Бамбук его фамилия, Гоша Бамбук. Большой человек. Ну и слышал недавно разговор: мол, развлекательные шоу — это только начало, речь идет о тотальном перераспределении рабочей силы, так что развлечениям и всему второстепенному — хана в первую очередь, и растение молодежи тут ни при чем. Программа вот-вот пойдет полным ходом.

— Чья программа? — прищурившись, интересуется Гойко.

— А я знаю? Но не городская, это точно. То ли федерального правительства, то ли бери еще выше...

— Гхм. А чей разговор-то был?

— Бабский, понятно...

СОДЕРЖАНИЕ

1000 И ОДИН ДЕНЬ. <i>Роман</i>	5
ПЕРВЫЙ ИЗ МОГИКАН. <i>Роман</i>	245